

СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ ОЧЕВИДЦЫ

В ЗАСТЕНКАХ ПИНОЧЕТА

История чилийского композитора и певца Анхеля Парра, активиста Коммунистической партии Чили, сына известной певицы Виолетты Парра, похожа на историю сотен и тысяч чилийских коммунистов и демократов, рабочих, студентов, деятелей культуры, брошенных Пиночетом в тюрьмы.

Анхель получил от партии приказ скрыться. Однако принятые им предосторожности были недостаточны. Его нашли. Пятьдесят карабинеров окружили дом, установили пулемет перед входом. Анхель был арестован. Пятьдесят вооруженных карабинеров — слишком много для невысокого безоружного человека. Но Анхель был опаснее других: как и его друг Виктор Хара, он был голосом народа, голосом протеста и борьбы за свободу, он был из той, другой Чили, Чили Народного единства. Именно поэтому, с точки зрения пиночетовских слуг, его надо было заставить замолчать.

Он был брошен в лагерь на стадионе «Насиональ». Сюда уже было свезено 15 тысяч человек, по 250—300 в каждой спортивной раздевалке, рассчитанной максимум на 25 человек. С каждым днем число заключенных увеличивалось. Спали по очереди — по три часа каждый. Затем спящий вставал, чтобы уступить место товарищу, падающему от усталости и истощения. Анхель, как и другие заключенные, был подвергнут допросам и пыткам. Но он выжил, его не замучили до смерти, как его друга Виктора Хару. Через некоторое время Анхеля приставили к тюремщикам, раздававшим арестованным пищу — одну миску фасоли на весь день. Вместе с ним сидел сын Луиса Корвалана, Альберто Корвалан, умерший недавно от последствий пыток и истязаний.

Разнося по камерам миски с фасолью, Анхель и вместе с ним еще несколько заключенных смогли составить представление о том, сколько человек было свезено на стадион, о том, в каком они находятся состоянии, о последствиях страшных пыток и издевательств, которым они подвергались. Вместе с Альберто Корваланом Анхель Парра вошел в «группу по координации», которая начала предпринимать первые попытки организации заключенных. А по ту сторону стадиона матери, жены, родственники выстаивали дни и недели в напрасной надежде получить весточку от своих близких или хотя бы узнать, живы ли они. Первое, о чем позаботилась «группа по координации», было составление списков тех, кто выстоял после зверских пыток. Эти составленные с большими предосторожностями списки они тайком передали первой делегации Красного Креста, когда той наконец-то удалось посетить стадион «Насиональ». А копии списков они переправили на свободу, и те были вывешены в городе. Так семьи томящихся в застенках антифашистов получили наконец-то весточки о своих близких. Первая организация, возникшая среди политзаключенных, начала действовать.

Пришел день, когда стадион «Насиональ» был «очищен». Антифашистов развезли по тюрьмам и концентрационным лагерям. Вместе с восьмьюстами других арестованных Анхель был отправлен на север, в Чакабуко, что в ста километрах от Антофагасты. При правительстве Народного единства Чакабуко было объявлено Местом народной памяти. Здесь в начале века в барачных постройках жили ра-

бочие, добывавшие селитру. Здесь произошли известные волнения, которые вошли в историю рабочего движения в Чили. Альянде хотел увековечить память расстрелянных солдатами шахтеров. Теперь это Место народной памяти снова превращено в место смерти. Территория, где стояли старые бараки, обнесена колючей проволокой, по которой пропущен ток высокого напряжения. Земля вокруг лагеря заминирована. Поставлены вышки с пулеметами. Так Анхель и его друзья узнали, что значат фашистские концентрационные лагеря, которые были им знакомы только по фильмам.

Заключенных привезли глубокой ночью. Они долго стояли на холодном ветру и ждали. Затем комендант лагеря, который назвался «капитаном Минолетти», разделил их на группы, развел по баракам.

Большинство заключенных — коммунисты. Сразу же были предприняты попытки наладить организационную работу. Выбранные в каждом бараке ответственные составили совет старейшин. Старейшинами они были не по возрасту, а по революционному стажу. Это были старейшины по борьбе.

Главная проблема, с которой столкнулся совет старейшин, — это необходимость волевать всех заключенных в подпольную жизнь лагеря, чтобы побороть отчаяние и боль, поддерживать товарищей и помочь им переносить пытки и лишения. Политзаключенные прежде всего организовали медицинскую помощь. Среди них был Данило Бартулин, известный врач, лечивший Альянде. С помощью других медицинских работников — своих товарищей по заключению — он организовал тайный медицинский пункт, где производились даже хирургические операции.

...Анхель Парра показывает нам тетрадь, которую ему удалось вынести из концентрационного лагеря, откуда он был освобожден после длительного и тяжелого заключения, под давлением прогрессивных сил всего мира. В ней собраны стихи, написанные молодыми чилийскими поэтами, все еще томящимися в фашистском застенке. Может быть, имена Рене Кастро Руиса, Рафаэля Еухенио Саласа, Роланда Рохо Редолеса, Данило Бартулина Фодье, Хорхе Монтеалегре Итурра, Еухенио Гарсиа Венегас, Патрисио Эрмосилья Вивес станут скоро известны всему миру как имена талантливейших поэтов, композиторов, писателей. Их стихи, их песни продиктованы уверенностью в том, что дело революции победит.

Когда мы разговаривали с Анхелем, наш разговор переводил Ливио Виллавекия, итальянский коммунист, проживший в Чили двадцать четыре года и вынужденный уехать, спасаясь от преследований фашистов. Он оставил на чилийской земле жену и пятерых детей, которых пиночетовские власти не выпускают из своих лап.

В тюрьмах и концентрационных лагерях Пиночета сегодня томится множество свободных сынов Чили и среди них — товарищ Луис Корвалан. Анхель Парра, вынес из фашистского застенка свои песни, поет их сегодня всему миру. Эти песни — крик боли и призыв к освобождению чилийского народа. И это его вклад в дело освобождения Луиса Корвалана и других антифашистов.

Феличе ЛАУДАДИО.
(«Унита»).